

Сили Джон Роберт

Расширение Англии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Роберт С.**
Расширение Англии / Сили Джон Роберт – М.: Книга по Требованию, 2024. – 246 с.

ISBN 978-5-519-73477-6

Два курса лекций професоором Дж.-Р. Сили в Кембридж.

ISBN 978-5-519-73477-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КУРСЪ ПЕРВЫЙ

Лекція 1-я

Основная тенденція англійской исторіи

Я твердо держусь того принципа, что исторія, оставаясь научною въ своемъ методѣ, должна преслѣдовать практическую цѣль. Другими словами, она должна не только ознакомить читателя съ прошлымъ, но и выработать его взглядъ на настоящее, его представленіе о будущемъ. Если этотъ принципъ правиленъ, то изученіе англійской исторіи должно заканчиваться нѣкоторымъ поученіемъ: изъ него должны вытекать широкіе выводы, оно должно представлять въ такомъ видѣ общую тенденцію всѣхъ событій Англіи, чтобы дать намъ возможность мыслить о будущемъ и предугадывать предназначенную Англіи судьбу. Для англичанъ это тѣмъ болѣе важно, что роль ихъ родины въ міровыхъ событіяхъ нисколько не уменьшается по мѣрѣ развитія исторіи.

Такимъ странамъ, какъ Голландія и Швеція, простиительно считать свою исторію въ нѣкоторомъ смыслѣ законченною. Когда-то онѣ были велики, но условія ихъ величія исчезли, и въ настоящее время онѣ занимаютъ лишь второстепенное мѣсто. Поэтому ихъ интересъ къ своему прошлому имѣетъ или сантиментальный, или чисто научный характеръ; единственный практический урокъ, вытекающій для нихъ изъ исторіи, это урокъ отреченія отъ широкихъ замысловъ. Англія же неуклонно становилась все больше и больше, по крайней мѣрѣ абсолютно, если не всегда относительно. Въ настоящее время она гораздо больше, чѣмъ была въ восемнадцатомъ столѣтіи; въ восемнадцатомъ столѣтіи она была больше, чѣмъ въ семнадцатомъ; въ семнадцатомъ—больше, чѣмъ въ шестнадцатомъ. То удивительное величіе, котораго

она достигла, дѣлаетъ для нея вопросъ о будущемъ крайне важнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожнымъ, ибо очевидно, что громадное колоніальное расширение англійскаго государства подвергаетъ его новымъ опасностямъ, отъ которыхъ прежде, будучи незначительнымъ островомъ, оно было свободно.

Поэтому интересъ англійской исторіи долженъ неуклонно увеличиваться вплоть до настоящаго времени, а такъ какъ будущее вырастаетъ изъ прошлаго, то исторія прошлаго Англіи должна заключать въ себѣ пророчества относительно ея будущаго.

Между тѣмъ наши авторы популярныхъ книгъ по исторіи, повидимому, смотрятъ на это иначе. Еще Аристотель говорилъ, что драма завершается, а эпическая поэма оканчивается постепенно. Исторія Англіи въ томъ видѣ, какъ она популярно излагается, не только не имѣетъ опредѣленнаго развитія, но такъ постепенно сходится на нѣтъ, дѣлаясь все блѣднѣе и блѣднѣе, скучнѣе и скучнѣе, что можно думать, будто Англія, вмѣсто того, чтобы неуклонно дѣлаться могущественнѣе, уже цѣлое столѣтіе или два умираетъ отъ старческой дряхлости. Но можетъ ли это быть такъ? Можно ли допустить потокъ затеряться и испариться среди песчаной пустыни? Вопросъ этотъ приводитъ на память слѣдующія строки Вордсворта:

It is not to be thought of that the flood
Of British freedom, which to the open sea
Of the world's praise, from dark antiquity
Hath flowed „with pomp of waters unwithstood“,
Roused though it be full often to a mood
Which spurns the check of salutary bands,
That this most famous stream in bogs and sands
Should perish, and to evil and to good
Be lost for ever ¹⁾.

Эта печальная судьба, о которой не смѣетъ подумать поэтъ, постигаетъ, если не самый потокъ британской свободы, то его отраженіе въ нашихъ популярныхъ историческихъ сочиненіяхъ.

Положимъ теперь, что мы хотимъ исправить эту ошибку; какъ въ такомъ случаѣ мы должны поступить? Такой вопросъ не мѣшаетъ задать себѣ въ началѣ учебнаго года студентамъ-историкамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ этотъ годъ является началомъ ихъ академическаго курса.

¹⁾ Нельзя и подумать, что великій потокъ британской свободы, съ торжествомъ катящій изъ древняго мрака свои непреодолимые воды въ открытое море міровой хвалы, разрывая съ гнѣвомъ свои оковы, чтобы этотъ отокъ затерялся въ пескахъ и болотахъ и погибъ навсегда какъ для зла, такъ и для добра.

Васъ просятъ подумать объ исторіи Англіи въ ея цѣломъ и посмотрѣть, не найдете ли вы въ ней какое нибудь значеніе, какую нибудь систему, не сможете ли вы формулировать тѣ выводы, къ которымъ она приводитъ. До сихъ поръ вы, можете быть, учили имена, года, перечисленіе королей, битвъ и войнъ. Настаетъ время, когда вы должны задать себѣ вопросъ: для чего изучалось все это? для какой практической цѣли собрани и запечатлѣны въ памяти всѣ эти факты? Если они не ведутъ ни къ великимъ истинамъ, имѣющимъ одновременно и общенаучное, и важное практическое значеніе, то исторія— не больше, какъ забава, и едва ли она можетъ стать въ ряду съ другими науками.

Всякаго, кто долго занимался исторіей, преслѣдуетъ идея развитія и прогресса. Мы непрерывно двигаемся впередъ, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ. Англія въ настоящее время уже не та, какою была при Стюартахъ или при Тюдорахъ. Исторія послѣднихъ столѣтій особенно подтверждаетъ взглядъ, что это движеніе прогрессивно, что оно клонится къ чему-то лучшему. Но какъ опредѣлить и какъ измѣрить это движеніе? Если мы желаемъ изучать исторію въ томъ раціональномъ духѣ, съ тою опредѣленною цѣлью, какую я рекомендую, мы должны серьезно остановиться на этомъ вопросѣ и придти къ какому либо его разрѣшенію. Мы не должны довольствоваться тѣми неопредѣленными цвѣтистыми заключеніями, какими историки старой школы, погубившіе себя исключительно повѣствовательнымъ направленіемъ, привыкли, ради формы, оканчивать свои писанія.

Эти неопредѣленные цвѣтистыя заключенія состоятъ обыкновенно изъ ссылки на такъ пазываемое „поступательное движеніе цивилизаціи“. Точнаго опредѣленія понятія цивилизаціи при этомъ не дается; о ней говорится метафорами, какъ о свѣтѣ, о днѣ, постепенно подвигающемся отъ блѣднаго разсвѣта къ своему полудню; ее противопоставляютъ отдаленному неопредѣленному періоду, называемому „сумракомъ времени“. Но будетъ ли свѣтъ цивилизаціи становиться все ярче и ярче, или, подобно дѣйствительному дневному свѣту, перейдетъ постепенно въ сумерки, послѣ которыхъ наступитъ ночь; не исчезнетъ ли она въ время вслѣдствіе внезапнаго затмѣнія, какъ это было со свѣтомъ цивилизаціи древняго міра?—всѣ эти вопросы оставляются безъ отвѣта. Да и какого отвѣта можно ожидать отъ теоріи, не имѣющей въ себѣ ничего серьезнаго и созданной ради риторическихъ прикрасъ?

Эта теорія цивилизаціи представляетъ очень хорошій примѣръ плохого философствованія. Нужно объяснить цѣ-

лую массу явленій, о которыхъ неизвѣстно даже, принадлежатъ ли они къ одному и тому же роду, по которыя вступаютъ въ поле зрѣнія въ одно и то же время,—и что же? Всѣ эти явленія покрываются однимъ словомъ, которое, подобно сѣти, связываетъ ихъ. Опредѣлять это слово тщательно избѣгаютъ и, говоря о немъ, употребляютъ метафоры, дающія понять, что оно означаетъ живую силу, имѣющую невѣдомыя неограниченныя свойства, такъ что достаточно малѣйшаго намека на нее, чтобы объяснить самыя удивительныя, самыя разнообразныя явленія. Такъ поступаютъ со словомъ „цивилизациа“. Его употребляютъ для объясненія множества явленій, не имѣвшихъ, повидимому, другой связи между собою, кромѣ частаго одновременнаго проявленія въ исторіи; сюда относятъ смягченіе нравовъ, техническія изобрѣтенія, религіозную терпимость, появленіе великихъ поэтовъ и художниковъ, научныя открытія, конституціонную свободу. Предполагается, хотя никогда не было доказано, что все это составляетъ одно цѣлое, имѣетъ одну скрытую причину, а именно: дѣйствіе духа цивилизациі.

Безъ сомнѣнія, можно, принявшись за эту теорію, придать ей болѣе связный видъ. Мы могли бы исходить изъ одного принципа—изъ свободы мысли, и прослѣдить всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ нея. И научныя открытія, и техническія изобрѣтенія, при наличности нѣкоторыхъ другихъ условий, могутъ явиться результатомъ свободы мысли; открытія и изобрѣтенія, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, измѣняютъ образъ человѣческой жизни, придавъ ей болѣе сложный, современный характеръ; такую переменъ мы можемъ назвать поступательнымъ движеніемъ цивилизациі. Но политическая свобода не имѣетъ никакого отношенія ко всему этому. Въ Аѳинахъ была свобода до Платона и Аристотеля, а потомъ она исчезла; въ Римѣ была свобода въ то время, когда мысль была груба и невѣжественна, и наступило рабство, когда мысль стала просвѣщенной. Поэтическій геній также не имѣетъ отношенія къ свободѣ мысли: поэзія въ Аѳинахъ падаетъ, лишь только тамъ начинается философія; въ Италіи былъ Данте до эпохи Возрожденія, но не было Данте послѣ нея.

Если мы подвергнемъ тщательному анализу то неопредѣленное суммарное цѣлое, которое мы называемъ цивилизациею, то найдемъ, какъ указываетъ и происхожденіе слова, что главную его часть составляютъ элементы, вытекающіе изъ соединенія людей въ гражданскія общества или государства; однако надо помнить, что другая часть этого цѣлага только косвенно связана съ этими элементами и болѣе непосредственно зависитъ отъ иныхъ причинъ. Развитіе науки, напри-

мѣръ, является очень важнымъ элементомъ цивилизаціи, но, какъ я только что указалъ, оно не измѣняется въ постоянномъ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ гражданскаго благоустройства, хотя въ большинствѣ случаевъ для развитія его требуется извѣстный его *modicum*. Нельзя забывать, что область воздѣйствія законовъ и королей на человѣческій удѣлъ крайне ограничена. Въ связи съ этимъ исторія можетъ выбрать себѣ или болѣе широкую, или болѣе узкую функцію—она можетъ взять на себя или изслѣдованіе всѣхъ причинъ человѣческаго благосостоянія, или же ограничиться гражданскимъ обществомъ и тою стороною человѣческаго благосостоянія, которая зависитъ отъ него. По какой-то безотчетной традиціи историкки обыкновенно выбирали послѣднее. Проглядите всѣ извѣстныя историческія сочиненія, и вы увидите, что авторы ихъ всегда, болѣе или менѣе сознательно, ставили на первомъ планѣ государство, правительство, ихъ внутреннее развитіе, ихъ взаимныя отношенія. А между тѣмъ совершенно вѣрно, что событія этого рода не всегда бываютъ самыми важными событіями въ исторіи человѣчества. Въ періодъ, описанный Фукидидомъ, можетъ быть, самыми важными явленіями были философская дѣятельность Сократа и артистическая—Фидія, а между тѣмъ Фукидидъ ничего не говоритъ ни о томъ, ни о другомъ; онъ распространяется о войнахъ и интригахъ, которыя въ настоящее время кажутся мелочными. Это не есть результатъ узкости взгляда. Фукидидъ живо сознаетъ безпримѣрную славу города, который онъ описываетъ; иначе какъ же бы онъ могъ написать: *φιλοκαλοῦμαι μὲν ἐντελέειας καὶ φιλοσοφοῦμαι ἀνευ μάχης*, но онъ согласенъ обсуждать эту славу только постольку, поскольку она является результатомъ политическихъ причинъ, о чемъ свидѣлствуетъ и приведенная цитата. Онъ съ извѣстною цѣлью и обдуманно ограничиваетъ себя опредѣленными рамками. Дѣло въ томъ, что для успѣшности работы необходимо дѣлать и подраздѣлять поле изслѣдованія. Если вы обсуждаете все сразу, то, конечно, у васъ является блестящее разнообразіе сюжетовъ, но вы не достигаете успѣха; если же вы желаете получить результатъ, то должны сосредоточить свое вниманіе на одномъ рядѣ явленій. Мнѣ кажется благоразумнѣе удержать исторію въ ея старинныхъ предѣлахъ и обсудить отдѣльно важныя стороны, опущенныя изъ этой схемы. Итакъ, я признаю, что исторія должна имѣть дѣло съ государствомъ, что она должна разсматривать ростъ и измѣненія организованнаго общества, общества, дѣйствующаго черезъ посредство должностныхъ лицъ или народныхъ собраній. По самой природѣ государства каждое лицо, живущее на извѣстной территоріи, обыкновенно считается его членомъ;

но исторія занимается отдѣльными личностями только въ качествѣ членовъ государства. Тотъ фактъ, что кто либо въ Англіи дѣлаетъ научное открытіе или пишетъ картину, самъ по себѣ не является событіемъ въ исторіи Англіи. Отдѣльныя личности имѣютъ значеніе въ исторіи не по своимъ внутреннимъ заслугамъ, а по своему отношенію къ государству. Сократъ былъ гораздо болѣе великъ, чѣмъ Клеонъ, но Клеонъ играетъ болѣе значительную роль въ исторіи Фукидида. Ньютонъ былъ болѣе великимъ человѣкомъ, чѣмъ Гарлей ²⁾, а между тѣмъ Гарлей приковываетъ къ себѣ вниманіе историка царствованія королевы Анны.

Послѣ этого объясненія вы видите, что предложенный мною вопросъ: каково общее направленіе, или какова цѣль исторіи Англіи?—гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ это могло казаться съ перваго взгляда. Задавая его, я не имѣлъ въ виду ни общаго прогресса, предстоящаго повсюду, а, слѣдовательно, и въ Англіи, человѣческой расѣ, ни даже тѣхъ его явленій, которыя исключительно свойственны Англіи во всемъ объемѣ этого понятія. Ибо подъ Англіей я подразумѣвалъ только государство или политическое общество, имѣющее мѣсто своего пребыванія въ Англіи. При такомъ строгомъ ограниченіи вопроса, онъ можетъ показаться вамъ менѣе интереснымъ; можетъ быть, это и такъ, но зато онъ становится гораздо болѣе доступнымъ обработкѣ.

Итакъ, въ какомъ же направленіи, къ какой цѣли подвигалось англійское государство? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ готовы сорваться слова: „свобода“, „демократія“. Но словамъ этимъ сильно недостаетъ опредѣленности. Свобода, несомнѣнно, представляла главную черту, отличавшую Англію отъ континентальныхъ государствъ, но по существу свобода для Англіи была не столько цѣлью, къ которой она стремилась, сколько достояніемъ, которымъ она давно уже пользуется. Уже борьба семнадцатаго столѣтія даровала или, во всякомъ случаѣ, обезпечила за Англіей свободу. Позднѣе въ Англіи происходитъ движеніе, которое часто, хотя и не вполне правильно, называютъ движеніемъ за свободу и что мы, если угодно, можемъ назвать демократизаціей. Существуетъ ходячее мнѣніе, что въ новѣйшей англійской исторіи, если въ ней вообще можно подмѣтить опредѣленную тенденцію, сказалось только одно стремленіе къ демократизаціи—стремленіе, благодаря которому сначала средній классъ, потомъ постепенно и низшіе классы получали долю вліянія въ общественныхъ дѣлахъ.

²⁾ Harly—государственный человѣкъ время королевы Анны (начала XVIII вѣка), глава торіевъ, врагъ Мальборо.

Несомнѣнно и съ достаточной ясностью эта тенденція обозначилась лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи; въ восемнадцатомъ она едва замѣтна: въ то время можно было прослѣдить только самое ея начало. Она особенно обращаетъ на себя наше вниманіе потому, что долгое время была главнымъ предметомъ политическихъ разговоровъ и споровъ. Но исторія должна смотрѣть на вещи съ нѣкотораго разстоянія и обозрѣвать болѣе широкое поле. Если мы съ отдаленія прослѣдимъ за послѣдніе вѣка прогрессъ англійскаго государства—этого большого управляемаго общества англійской націи, то пасть гораздо больше поразить другое измѣненіе; будучи не только значительнѣе, но даже и замѣтнѣе, оно обсуждалось гораздо меньше, такъ какъ происходило болѣе постепенно и не возбуждало сильной оппозиціи. Я имѣю въ виду простой и наглядный фактъ распространенія англійскаго имени въ другихъ странахъ земного шара—основаніе Великой Британіи³⁾.

Есть нѣчто крайне характерное въ томъ индифферентизмѣ, съ какимъ англичане относятся къ могучему явленію разлитія ихъ расы и расширенія ихъ государства. Они покорили и заселили полъ-свѣта, какъ бы сами не отдавая себѣ въ томъ отчета. И, совершая это громадное дѣло въ восемнадцатомъ столѣтіи, они не дали ему затронуть свое воображеніе и оказать вліяніе на ихъ образъ мыслей. Даже и теперь они продолжаютъ считать себя просто расою, занимающей островъ на западѣ отъ европейскаго материка. Самая манера выражаться постоянно изобличаетъ, что они не считаютъ колоніи своей дѣйствительной принадлежностью; такъ, когда ихъ спрашиваютъ о размѣрѣ англійскаго населенія, имъ и въ голову не приходитъ включать въ него населеніе Канады и Австраліи. Этотъ укоренившійся взглядъ, мнѣ кажется, повліялъ и на нашихъ историковъ: благодаря ему они упускаютъ вѣрную точку зрѣнія при описаніи восемнадцатаго столѣтія. Они придаютъ слишкомъ большое значеніе парламентской борьбѣ и агитаціи за свободу, т. е. событіямъ, которыя въ восемнадцатомъ столѣтіи являлись лишь слабымъ отраженіемъ событій

³⁾ Выраженіе „Greater Britain“ въ буквальномъ переводѣ означаетъ „Болѣе великая Британія“; выраженіе создано возведеніемъ въ сравнительную степень названія „Great Britain“—Великобританія и означаетъ Англію со всѣми ея колоніями и Индіей. Въ виду непереводимости буквально этого выраженія предупреждаю читателя, что вездѣ дальше выраженіе „Great Britain“ переводится Великобританія, а выраженіе „Greater Britain“—Великая Британія. Соответственно выраженія: „Great France“, „Great Spain“ и т. п. переводятся: „Великая Франція“, „Великая Испанія“ и означаютъ эти страны въ совокупности съ ихъ владѣніями внѣ Европы.

- семнадцатаго. Они не замѣчаютъ, что въ томъ столѣтїи исторія
- Англїи разыгрывается не въ Англїи, а въ Америкѣ и въ Азїи. Я точно также убѣжденъ, что, рассматривая настоящее положеніе дѣлъ и еще болѣе заглядывая въ будущее, мы должны остерегаться слишкомъ выдвигать на первый планъ собственно Англїю, чтобы не потерялось на заднемъ планѣ картины то, что мы называемъ англійскими владѣніями.

Позвольте же мнѣ съ нѣкоторою точностью описать перемѣну, о которой я говорю. Въ послѣдніе годы царствованія королевы Елизаветы (1558—1603) Англїя не имѣла положительно никакихъ владѣній внѣ Европы, потому что все колоніальныя проекты, начиная съ попытки въ царствованіе Генриха VIII и до попытокъ Джильберта и Ралея (Gilbert, Raleigh)⁴⁾, были одинаково неуспѣшны. Самой Великобританїи еще не существовало: Шотландія была отдѣльнымъ королевствомъ, а въ Ирландїи англичане составляли лишь колонію среди чуждаго населенія, жившаго въ родовомъ бытѣ. Со вступленіемъ на престолъ Стюартовъ начались одновременно два процесса, изъ которыхъ одинъ закончился при королевѣ Аннѣ, послѣднемъ членѣ этой династїи, другой же продолжается съ тѣхъ поръ непрерывно. Первый процессъ состоялъ во внутреннемъ соединенїи трехъ королевствъ, и хотя технически онъ завершился гораздо позже, но можетъ считаться дѣломъ семнадцатаго столѣтїя и династїи Стюартовъ. Второй процессъ—созданіе Великой Британїи, заключающей въ себѣ громадныя владѣнія за моремъ, — начался съ дарованія хартїи Виргинїи въ 1606 г.⁵⁾ Въ семнадцатомъ столѣтїи онъ сильно подвинулся, но только въ восемнадцатомъ предъ лицомъ цѣлаго міра предстала Великая Британїя въ ея гигантскихъ размѣрахъ, съ ея обширной политикой. Посмотримъ, что она представляетъ изъ себя въ настоящее время.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя мелкія владѣнія, имѣющія главнымъ образомъ характеръ морскихъ или военныхъ станцій, мы находимъ, что Великая Британїя состоитъ, кромѣ Соединеннаго королевства, изъ четырехъ территорій, населенныхъ преимущественно англичанами и подвластныхъ ко-

⁴⁾ Gilbert — мореплаватель, изслѣдовавшій восточный берегъ Сѣверной Америки и устье рѣки Св. Лаурентїя (во 2-ой половинѣ XVI в.)—Извѣстный любимецъ Елизаветы, государственный дѣятель и литераторъ Ралей предложилъ основать впервые постоянную колонію на восточномъ берегу Сѣверной Америки; основанная имъ колонія Виргинїя, не просуществовавъ 10-ти лѣтъ погибла въ 1590 г.

⁵⁾ Въ этомъ году Іаковомъ I-мъ была дана первая хартїя, именно хартїя на право заселенія Виргинїи, такъ называемой „Лондонской компанїи“.

ронѣ, и пятой большой территоріи, также подвластной коронѣ и управляемой англійскими должностными лицами, но съ населеніемъ совершенно чуждой расы. Первые четыре суть: 1) область Канады (Dominion of Canada ⁶⁾); 2) Вестъ-Индскіе острова, къ которымъ я причисляю и нѣкоторыя территоріи на континентѣ Центральной и Южной Америки; 3) группа южно-африканскихъ владѣній, изъ которыхъ самое значительное—Капская колонія, и 4) австралійская группа, къ которой, ради удобства, я долженъ прибавить Новую Зеландію. Пятое—зависимое владѣніе—есть Индія.

Прежде всего посмотримъ на населенность этихъ областей. Колонизація началась сравнительно недавно, и потому население во многихъ мѣстахъ рѣдко. Области Канады съ Ньюфаундлендомъ въ 1881 г. имѣли нѣсколько больше четырехъ съ половиной милліоновъ жителей, т. е. население ихъ равнялось приблизительно населенію Швеціи. Вестъ-индская группа обладала населеніемъ, превышавшимъ полтора милліона, т. е. обладала почти такимъ же населеніемъ, какое въ то время имѣла Греція. Южно-африканская группа—около милліона и трехъ четвертей, но изъ нихъ европейской крови значительно меньше половины. Австралійская группа вмѣщала въ себѣ около 3-хъ милліоновъ, т. е. нѣсколько превосходила Швейцарію. Это составитъ въ общемъ десять и три четверти милліоновъ, или около 10 милліоновъ англійскихъ подданныхъ европейской и, главнымъ образомъ, англійской крови, живущихъ внѣ Британскихъ острововъ ⁷⁾.

Населеніе обширнаго зависимаго владѣнія Индіи равнялось почти ста девяноста восьми милліонамъ, а туземныя государства, признающія верховную власть Англіи, имѣли

⁶⁾ Подъ именемъ „Dominion of Canada“ понимаются всѣ владѣнія Англіи на сѣверъ отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, слагающіяся изъ ряда областей: Квебекъ, Новая Шотландія, Новый Брауншвейгъ и др.

⁷⁾ Мною оставлены безъ измѣненія цифры, приводимыя авторомъ, почему считаю нужнымъ сообщить, что въ настоящее время, т. е. черезъ 20 приблизительно лѣтъ, онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Область Канады насчитываетъ . . .	5.500.000 ж.
Вестъ-индская группа	1.900.000 „
Южно-африканская группа	4.000.000 „
Австралійская группа	7.4754.000 „
Всего	19.150.000 ж.

Кромѣ того, къ владѣніямъ Англіи надо прибавить 37.000.000 ж. въ Африкѣ внѣ южной группы африканскихъ колоній. Точная цифра бѣлыхъ въ этихъ областяхъ ничтожна.

около пятидесяти семй миллионовъ. Все вмѣстѣ составитъ населеніе, приблизительно равное населенію всей Европы, за исключеніемъ Россіи.

Во всякомъ случаѣ, намъ сразу бросается въ глаза, что огромное населеніе Индіи не составляетъ части Великой Британіи въ томъ смыслѣ, какъ тѣ десять миллионовъ англичанъ, которые живутъ внѣ Британскихъ острововъ. Въ жилахъ этихъ десяти миллионовъ течетъ англійская кровь, и потому они связаны съ Англіей самыми тѣсными узами. Населеніе Индіи принадлежитъ чуждой англичанамъ расѣ и религіи; оно соединено съ Англіей лишь связями завоеванія. Еще подлежитъ вопросу, увеличиваетъ ли въ настоящее время обладаніе Индіею могущество Англіи, и вообще можетъ ли оно его увеличить когда нибудь; а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что фактъ обладанія Индіей чрезвычайно повышаетъ грозящія Англіи опасности и ея отвѣтственность. Колоніальная имперія находится совершенно въ иномъ положеніи: она располагаетъ основными условіями устойчивости. Существуютъ вообще три связи, соединяющія государства: общность расы, общность религіи и общность интересовъ. Двумя первыми связями англійскія колоніи, очевидно, связаны съ Англіей, и одно это дѣлаетъ уже связь ихъ прочною. Эта связь сдѣлается неразрывной, если окажется, что и общность интересовъ существуетъ между ними, а убѣжденіе въ этомъ въ настоящее время, повидимому, растетъ. Когда мы думаемъ о Великой Британіи будущаго, мы должны гораздо больше имѣть въ виду колоніальную, чѣмъ Индійскую имперію.

Это соображеніе дѣлается особенно важнымъ, если мы оцѣниваемъ имперію не по ея населенію, а по площади ея территоріи. Десять миллионовъ англичанъ за моремъ уже представляютъ собою кое-что; но это почти ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы увидимъ въ будущемъ, и даже въ близкомъ будущемъ, ибо эти десять миллионовъ разбросаны на громадномъ пространствѣ, которое заполняется съ несравненно большею быстротою, чѣмъ растетъ населеніе самой Англіи. Я приведу расчетъ, который поможетъ вамъ оцѣнить всю важность этого обстоятельства. Густота населенія Великобританіи выражается 125-ью жителями на квадратный километръ; въ Канадѣ она менѣе полъ-человѣка. Представьте себѣ на минуту, что густота населенія Канады равняется густотѣ населенія Великобританіи, и вы увидите, что населеніе этой области превыситъ билліонъ. Такое положеніе дѣлъ, безъ сомнѣнія, настанетъ еще очень нескоро, но все же громадный приростъ населенія не заставитъ себя долго ждать. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ число англичанъ, живущихъ за моремъ (если только имперія не распадется), будетъ равно